

Евгения Завада

ПРИЮТ БРОШЕННЫХ ДУШ

12+

Евгения Завада
Приют брошенных душ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Завада Е.

Приют брошенных душ / Е. Завада — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История одной малышки, которая никогда не ела досыта и не спала на чистой постели. Она слишком мала и беспомощна, чтобы самостоятельно изменить свою жизнь. Однажды она оказывается в необычном приюте, где впервые обретает друга и вместе с ним продолжает мечтать об уютном доме и любящей семье.

ПРИУТ БРОШЕННЫХ ДУШ

*Однажды брошенные души
станут нужными другим*

Описание:

История одной малышки, которая никогда не ела досыта и не спала на чистой постели. Она слишком мала и беспомощна, чтобы самостоятельно изменить свою жизнь.

Однажды она оказывается в необычном приюте, где впервые обретает друга и вместе с ним продолжает мечтать об уютном доме и любящей семье.

1.

Я вздрогнула и проснулась – кто-то включил свет.

Сегодня вечером я снова уснула у окна. С наступлением темноты мне нравится долго сидеть на подоконнике и смотреть на улицу. Сквозь давно уже не мытые стекла в разошедшихся рамках я рассматриваю дом, стоящий напротив. Мне нравится вот так, не спеша, водить взглядом по кирпичному фасаду этого пятиэтажного дома и вглядываться в каждое окно, из которого льется теплый свет. Не подумайте – я не подглядываю за жителями, я просто фантазирую и мечтаю.

За каждым таким окном я представляю тишину и покой. Обитатели этого дома каждый вечер ждут и встречают своих близких, кормят их вкусным ужином, потом играют или просто все вместе, сидя на диване, в креслах или на мягком ковре, смотрят интересный фильм либо познавательную передачу. После этого расходятся по спальням и готовятся ко сну. Ложатся в мягкие кровати с чистым выглаженным бельем, теплым одеялом и хорошо взбитой подушкой. В кровати самое главное – это мягкая подушка. Я мечтаю, что когда-нибудь я тоже буду жить за таким окном с приветливым светом, и каждый вечер меня будут ждать сытный ужин и мягкая кровать с подушкой.

Я всегда грезила о своем доме, где у меня будут мама и папа, любящие только меня одну. Я представляла просторную квартиру с вместительным коридором, кухней, из которой доносятся ароматы приготовленной еды, с уютными комнатами и светлой гостиной. Я бы жила в таком доме и радовалась каждому дню.

Я представляла, как утром мы дружно завтракаем на кухне за массивным столом. Кухня обязательно большая и светлая. В ней все сверкает чистотой: и большущие шкафы с необходимым набором всяческой утвари, и огромный холодильник, заполненный какими только можно представить продуктами, и блестящая мойка, а над ней в шкафу на полках много красивых разноцветных кружечек и тарелок разных размеров, среди которых будет и моя самая любимая. На столе стоит ваза со свежими цветами. За завтраком мы дружно болтаем о том о сем, о планах на день. Вечером мы тоже встречаемся на гостеприимной кухне и рассказываем, как прошел день, обсуждаем последние новости. Мама у плиты готовит вкусный ужин, и по кухне разносится невероятный аромат, от которого мы с папой сходим с ума и с нетерпением спрашиваем маму, когда же все будет готово. После сытного ужина мы дружно перемещаемся в нашу гостиную.

Гостиня светлая. В ней стоит огромный удобный белый диван, напротив него, на стене, – большой телевизор, по которому мы смотрим любимые фильмы, закутавшись в белоснежный пушистый плед. На полу большой мягкий ковер, где удобно играть. На окнах легкие занавески, придающие еще более уютный вид нашей гостиной.

Вечером я бегу в свою маленькую комфортную комнату, плюхаюсь в кроватку с чистым и ароматным постельным бельем, и она с готовностью принимает мое маленькое тельце в свои

уютные объятия. В кровати, кроме теплого легкого одеяла, лежит моя самая любимая подушка, мягкая как облачко.

В моей комнате стоит вместительный шкаф, обязательно новый, такой, что от него пахнет свежим деревом. В нем много полок, на которых аккуратно разложено чистое отглаженное белье. Я еще не решила, какого цвета была бы моя комната, но обязательно очень уютная, чистая, идеальная. Перед сном мама или папа всегда присаживаются рядом с моей замечательной кроваткой и читают захватывающие сказки. А я нежусь на своей прекрасной подушке и засыпаю под их приятные голоса.

...По всей видимости, уже за полночь. В доме напротив тепло светится одно-единственное окно на третьем этаже. Там обычно поздно ложатся спать...

Кто же включил свет?

При включенном свете наше окно превратилось в зеркало, и вся комната отразилась в его мутных стеклах. В дальнем углу стоит дряхлая кровать. Матрац на ней грязный, и от него плохо пахнет. Постельного белья никогда не было. На кровати лежит только старое, давно не стиранное лоскутное одеяло, когда-то сшитое бабушкой. Ватный, со временем ставший тусклого серого цвета наполнитель вылез из протертых и распоротых швов. Еще была подушка. Этой подушке, наверное, лет сто. Складывалось такое ощущение, что она набита опилками – настолько тяжелая и твердая.

Что же случилось? Неужели что-то с бабушкой? Она давно уже болеет и редко выходит из дома, все время лежит на своем диване. Ей тяжело вставать, даже чтобы приготовить еду, не говоря уже о том, чтобы сходить в магазин за продуктами. Сколько я помню, у нее нет никого из родных, кроме нас. Никто никогда не приходит проведать ее. Вчера я была очень голодна. Вечером, после того как бабушка уснула в гостиной на старом диване, и ее дыхание, учащенное после приступа, успокоилось и стало ровным, я тихонько пробралась мимо нее на кухню в надежде чем-нибудь перекусить. Но, к сожалению, есть было нечего, пришлось попить воды и плестись обратно в спальню, к своему окну.

Так зачем же включили свет?

На всякий случай я решила перебраться от окна в укромное местечко и спрятаться. Напротив кровати стоит огромный шифоньер с одной кривой дверцей, которая все время открывается и неприятно скрипит. В нем давно уже нет полок, и всякое тряпье лежит мятой кучей. Я часто здесь прячусь от всех, тут же прячу еду, если есть что стащить с кухни, чтобы потом перекусить.

Я уже почти пробралась к шифоньеру, как кто-то подхватил меня на руки. Я повернула голову и увидела, что это какая-то незнакомая женщина в клетчатом пальто и сером шарфе, обмотанном вокруг шеи несколько раз. Она понесла меня на руках через гостиную в коридор. От этой женщины приятно пахло. Я подумала, что так может пахнуть орхидея. Я слышала про нее от старших. Они говорили, что это самый прекрасный цветок в мире и пахнет он так же прекрасно. Я прижалась к ее шарфу, который был таким нежным и мягким, как подушка в моих мечтах.

Я огляделась по сторонам. Я еще не знала, что вижу эту комнату в последний раз. На деревянном, с облупившейся темной краской, полу, с огромными, забившимися пылью щелями между досок, лежал старый протертый палас песочного цвета с размытыми пятнами. Не менее старые диван и кресло. Диван продавлен в нескольких местах, одного подлокотника с ножками не было, поэтому сбоку подложили деревянные доски, чтобы диван стоял ровно. Кресло было таким же дряхлым и потертым. На нем валялся плед из непонятого материала и такого же непонятого цвета. В него куталась бабушка, когда плохо себя чувствовала. С потолка свисал странного вида светильник. Он был похож на раздавленного огромного черного паука, у которого одна лапа длиннее другой. В этой «лапе» и была единственная лампочка. От ее света падали зловещие тени. На стенах потемневшие и местами ободранные обои. Когда-то очень

давно они выглядели наверняка не так жалко, как сейчас, – это были белоснежные обои в мелкий цветочек, и комната с ними выглядела уютно, но по истечении времени и из-за неаккуратности хозяйки все казалось крайне убогим.

Бабушка сидела в кресле, ссутулившись, закрыв серое лицо костлявыми руками. Рядом с ней стояла еще одна незнакомая женщина. Она печально качала головой и что-то говорила бабушке. На ней было опрятное темное пальто, а шарфа не было. И я подумала: как хорошо, что меня взяла другая, с шарфом. Мне было приятно к нему прижиматься.

Мы вышли на улицу из подъезда в зимнюю ночь, в лицо ударил ледяной ветер, и колючий снег защищал нос. Меня и еще трех старших усадили в теплый автомобиль. Несмотря на то что я очень хотела спать, все это было крайне интересно: я никогда еще не ездила на машине. Я поудобней устроилась на заднем сиденье. Женщина в темном пальто села на водительское место. Она оглянулась на нас, проверила, как мы устроились, потом кивнула женщине с шарфом, сидевшей рядом на пассажирском сиденье, и машина тронулась.

Почему-то мне было совсем не страшно. У меня не возникало вопросов, куда нас везут на машине и почему так поздно, почему забрали от бабушки. Я с интересом вглядывалась в здания, витрины, дома, светофоры. Через какое-то время за окнами машины перестали мелькать фонари и исчезли дома, в которых уже не было ни одного окна с теплым светом.

2.

В теплом салоне машины, под монотонный звук двигателя и шорох шин, под легкое покачивание я задремала.

Во сне меня накрыло воспоминание.

Раннее летнее утро. То самое время, когда солнце только взошло над горизонтом, но еще не заглянуло в окно, потому что ему мешают деревья и кустарники. Но через несколько минут оно заполнит ярким светом всю кухню, и на полу появятся лучи и будут бликовать на стенах и мебели. В этот момент вся наша маленькая грязная кухня преобразается и начинает сверкать. Старый деревянный шкаф (в нем всего пара кастрюль и сковородка) приобретает более веселый вид и уже не кажется таким угрюмым и блеклым. Раковина и полка для посуды – на ней пара мутных стаканов, кружка с отбитой ручкой и несколько тарелок – выглядят довольно чисто и даже сверкают, пусть не белизной, но одним из оттенков белого. Солнечные зайчики начинают запрыгивать и на наш стол с липкой клеенчатой скатеркой, на которой когда-то очень давно были узоры в виде диковинных зеленых цветов, но со временем рисунок стерся, и скатерть теперь напоминала жеваный подорожник. На столе стояла пластмассовая банка из-под майонеза (в ней в хорошие времена бывал сахар) и стопка с солью. Даже старая и заросшая жиром газовая плита с давно немойтой и грязной духовкой, где давно уже никто ничего не выпекал и которую использовали как шкаф для хранения ненужной утвари, в этот ранний утренний час теряла свое уродство и сверкала на солнце.

Я радостно бегу за всеми на кухню на манящий аромат чего-то необычайно вкусного. Пахнет горячей жареной колбасой и омлетом. Весь пустой желудок сжался в пружину от этого аромата в предвкушении невероятного сытного завтрака.

Накануне вечером, когда все легли спать, мне в очередной раз было очень плохо. Я всю ночь вертелась и долго не могла уснуть. Живот крутило, в нем все бурлило и кипело. От невыносимой боли хотелось лезть на стену, но не было сил. Меня прошиб пот. И в то же время морозило. Я лежала, свернувшись калачиком, и дрожала под старым вонючим одеялом, которое совсем не грело, а от его вони мутило еще больше. Потом меня стошнило. Через какое-то время боль отпустила. Я тихонько вылезла из-под одеяла, подвернула край, чтобы прикрыть неприятные следы. Меня еще раз чуть не стошнило. Хорошо, что желудок уже был пуст.

Вчера бабушка вернулась домой с двумя полными пакетами продуктов и у нас был пир. Такое случается редко, и мы, в остальные дни голодающие, накидываемся на еду и наедаемся

вдоволь. Ведь это так здорово, когда есть еда в том количестве, что уже не лезет, а она еще остается. Нельзя оставлять еду, ее потом не будет, ее нужно съесть.

Я очень люблю есть. Но мой слабый желудок плохо переносит такие пиры. Нужно есть немного, но каждый день. У меня так не получается.

И вот мы мчимся прекрасным летним утром на кухню на эти невероятные ароматы. Я стараюсь не отставать. Мы гурьбой забегаем в кухню, к своим тарелкам. В них уже разложен завтрак. Эти невероятные запахи просто сводят с ума. Я на мгновение задерживаю дыхание, чтобы ароматы распространились по носу, перешли в глотку и добрались до моего желудка, чтобы он постепенно подготовился к еде, был готов принять ее и не вздумал, после того как я поем, извергнуть все обратно.

Я вздрогнула и проснулась. Это остановилась машина. А я еще чувствовала аромат того летнего завтрака. Я стала вглядываться в ночную тьму. Машина стояла в небольшом дворе возле двухэтажного дома, из окон которого приветливо лился теплый свет. Я удивилась, что в такое позднее время в доме могут гореть все окна.

Женщины вышли из машины, их кто-то приветствовал с крыльца дома. Мы продолжали сидеть на заднем сиденье и не решались выйти, ждали, когда нам скажут, что мы должны делать: ждать или выходить. Я начала немного беспокоиться, где же мы, что будет дальше, что и кто нас ждет. Я снова почувствовала, как в моем желудке начинает набирать силу волна боли.

На крыльце стояла женщина, закутавшаяся в теплую кофту. Она переговаривалась с двумя гостями, привезшими нас, и временами посматривала на машину, в которой мы тихонько сидели. Вскоре они закончили беседовать и пошли в нашу сторону. Женщина в кофте открыла дверь с моей стороны и осторожно взяла меня на руки. Я сначала испугалась и напряглась: я очень хотела, чтобы меня взяла женщина с мягким шарфом, но потом успокоилась. Теплые руки нежно прижимали меня к пушистой кофте. Других тоже взяли на руки и всех нас понесли в дом.

Мы поднялись на второй этаж в большую освещенную комнату. Вдоль стен были расположены спальные места: справа несколько двухъярусных кроватей, слева – обычные, односпальные. Еще я заметила достаточно удобный и мягкий диван и пару разномастных кресел. К стене был прибит ковер, немного уже старенький, но еще приличного вида, с красивым орнаментом. Тут же место для еды. Это я отметила – очень важно сразу определить, где можно будет поесть.

Нас встретили сонные глаза обитателей этой комнаты. Они подняли свои взлохмаченные и помятые головы и без явного интереса, разбуженные и немного встревоженные лишь включенным светом, осматривали нас. Мне не понравилось, что их тут слишком много. Здесь их было еще больше, чем у бабушки, а я хочу быть одна, совсем одна.

Мне досталось место на верху двухъярусной кровати, стоявшей сбоку, около окна. По всей видимости, остальные обитатели предпочитали спать поближе к месту, где была еда. Но я не расстроилась. Я слишком устала, желудок еще ныл, я очень хотела спать. Постель оказалась достаточно чистой. Сверху лежало теплое байковое одеяльце. Подушка, конечно, была лучше, чем у бабушки, но все равно не та, о которой я мечтала. Она была какая-то плоская и маленькая. Мне понравился мой уголок – подальше от всех и окно рядом. Я устроилась поудобнее и под затихающую боль в желудке уснула.

3.

Когда я проснулась, все спали. Зимнее солнце еще не выглянуло из-за горизонта, но первые лучи уже коснулись верхушек высоких деревьев, стоящих в стороне от дома, за забором. Воздух был непривычно чистым и свежим. Дышалось легко и свободно.

Я потянулась и вылезла из-под одеяла. Оно оказалось очень теплым и действительно согревало, как собственно, и должно быть. Я огляделась по сторонам с высоты кровати. У

стены напротив кто-то забавно сопел, кто-то похрапывал. Подо мной на нижней кровати из-под одеяла торчали две макушки: огненно-рыжая и очень светлая, почти белая.

Потом мой взгляд проскользнул по полу, тщательно подметенному, к месту у противоположной стены. Там стояла еда. Кто-то еще раньше, чем я, проснулся и приготовил завтрак. Я осторожно прислушалась к желудку: все было тихо, он был пуст и расслаблен, боли не было, и он готов принять пищу. Я ощутила острый приступ голода. Если тут так и кормят, с утра пораньше, то мне нужно себя сдерживать и не съесть слишком много. Я решила быстренько спуститься и перекусить, пока все спят, потом вернуться на свое место и уже детально сверху изучить, где я очутилась, и рассмотреть, что за окном.

Я тихонько сползла, стараясь не издавать громких звуков. Осторожно прошла мимо спящих и вкусно позавтракала. После этого вернулась в свой уголок и удобно там разместилась. Да, это место мне определенно нравилось.

Я посмотрела в окно. Оно выходило на заснеженный двор. Я вспомнила, что вечером там стояла машина, на которой нас привезли. Сейчас ее уже не было, остались только рисунки от колес и следы вчерашних посетителей. Вид из окна оказался совсем непривычным для меня: вокруг не было высоких зданий, закрывающих своими фасадами небо, не было привычного кирпичного дома напротив с множеством окон, в которых с наступлением темноты загорался свет, не было шумного двора, окруженного кустами и деревьями. Не было площадки, где целыми днями резвились дети, не было лавочек у подъездов, на которых по вечерам сидели и обменивались последними новостями всезнающие старушки. Не было привычного городского шума. Стояло умиротворенное безмолвие, и складывалось ощущение безграничной тишины и покоя.

Я очень не люблю шума: громких возгласов играющих во дворе детей, гула машин, который доносился с дороги за соседним домом. Я вздрагивала от любых резких звуков. Когда у бабушки случался приступ, и она истошно стонала, лежа на диване под старым одеялом, мое маленькое худенькое тело сжималось в комочек, в голове стучали молоточки, а сердечко билось о хрупкую грудь. Меня охватывала какая-то безудержная паника, хотелось забиться в свой укромный уголок в старом шифоньере и сидеть там, пока снаружи все не утихнет. Даже голод не мог заставить меня покинуть убежище. Именно поэтому я очень люблю сумерки, когда тьма накрывает двор за окном, разгоняя всех с улицы по домам, и умолкает шум. Тогда наступает мое самое любимое время – темное и тихое. И можно, выбравшись из убежища, удобно устроившись на подоконнике за пыльной занавеской, разглядывать окна в доме напротив и мечтать о том, что когда-нибудь и у меня будет тихий и спокойный дом, в котором по вечерам я буду включать красивый светильник, чтобы из моего окна на темную улицу лился теплый спокойный свет.

Здесь за окном был небольшой заснеженный дворик, окруженный забором из крашенных темных досок. Что было за забором – не рассмотреть, только видно пару заснеженных крыш соседних домов. А дальше – высокие деревья с опустевшими вороньими гнездами. Справа рос небольшой кустарник, присыпанный снегом, но с еще висящими на нем яркими ягодами, наверно рябиной. Слева от ворот стояла небольшая собачья будка, в ней дремал большой черный пес на цепи. Его нос жадно и глубоко вдыхал утренний морозный воздух, который, проходя через его огромные легкие, нагревался и вываливался наружу через ноздри облаком.

Женщина в кофте вышла из дома его покормить. Она несла в руках голубую кастрюльку, над которой струился легкий пар. Как только пес ее увидел, он громко и радостно залаял и так сильно замахал хвостом из стороны в сторону, что казалось, он вот-вот не выдержит, оторвется и улетит в сугроб у забора. Женщина прикрикнула на него, и пес притих, но активно махать хвостом не перестал. Когда в миску была вывалена еда, пес начал с жадностью ее поглощать. Женщина потрепала пса за ухо и вернулась в дом.

Обитатели комнаты начали просыпаться. Кто-то резво вскакивал с постели и бежал завтракать, кто-то лениво потягивался, зевал и еще нежился в постели. Двое малышей весело играли с мячом. Они кидали его в сторону и бежали за ним: кто первый добежит и схватит. Но никто не обращал внимания на меня, тихонько сидевшую наверху и с осторожностью поглядывающую на них.

На меня снова нахлынули воспоминания.

Когда мы жили у бабушки, нас у нее было много, наверно, больше, чем должно быть. Она была совсем одна, давно уже больная и старая, а нас слишком много. Я давно уже забыла времена, когда меня обнимали, гладили по головке и говорили ласковые слова. Всю свою маленькую жизнь я чувствовала безразличие, ненужность, голод. По всей видимости, когда-то меня еще и били. Иначе как объяснить шрамы на моей голове за левым ухом и на спине? Правое ухо покалечено и теперь оттопырено. Но я совсем не помню прошлого, не помню своих родителей, не помню, кто и за что меня обижал и бил. Эти воспоминания стерлись из моей памяти бесследно. Я живу одним днем – лишь бы было что поесть и возможность уснуть, пусть и не в чистой постели, но хотя бы в тепле. А мне так не хватает нежности и любви, не хватает объятий и ласковых слов.

Со временем я окончательно от всех отдалилась, а может, они от меня отдалились. Может быть, это случилось, потому что я не такая красивая и милая, как остальные. Или я слишком настойчиво требовала нежности и ласки. В итоге все время я проводила в одиночестве – днем в укромном уголке, в шифоньере на куче вонючего тряпья, а поздними вечерами на подоконнике у окна за шторкой – и мечтала о времени, когда я буду жить в уютном тихом доме и любить будут только меня одну.

После сытного завтрака все обитатели занялись своими делами. Кто-то снова улегся в постель, кто-то с кем-то играл, несколько обитателей вальяжно уселись на диване. Ну и славно, подумала я: они мной не интересуются, не пристают с расспросами и не пытаются со мной подружиться. Нет мне до них дела, да и не хочу я ни с кем общаться. Я устроилась поудобнее под теплым одеяльцем и под легкий гам, доносящийся снизу, заснула.

4.

Меня разбудил лай собаки. Что случилось? Я осторожно выглянула в окно. Во двор въехала светлая машина. Из нее вышли мужчина в темной куртке и джинсах, женщина, кутавшаяся в огромный шерстяной платок, и девочка лет десяти в милом пальтишке и в светлой шапке с большой бомбошкой. Они жались к машине, опасаясь пса, который рвался к ним, натягивая свою цепь, и не переставая лаял. Из дома вышла женщина. Она приветствовала гостей, что-то крикнула псу, тот умолк, и она пригласила всех в дом.

Кто эти люди? Зачем приехали? С какой целью? Пока я строила догадки, дверь в комнате распахнулась, и вошли гости. Я на всякий случай спряталась под одеяльцем и внимательно принялась разглядывать одним глазом гостей. Второй глаз я закрыла, чтобы явно не выдавать чрезмерного любопытства.

Мужчина был высоким и тучным. Но, несмотря на это, его лицо казалось добрым и располагающим. Он изо всех сил пытался непринужденно улыбаться, но смущенный взгляд и покрасневшие небритые щеки выдавали стеснение и неловкость от ситуации, в которой он оказался. Женщина, зайдя в комнату, стянула с себя огромный платок и оказалась стройной и миловидной. Теплая куртка, джинсы. Длинные темные волосы чуть ниже плеч. Девочка была маленькой копией своего отца: тоже тучная и с добрыми глазами. Она стянула с головы шапку, косички растрепались. Девочка тербила помпон на своей шапке, как будто хотела его оторвать.

Гости скромно присели на диван и стали с интересом разглядывать обитателей комнаты. Некоторые жильцы проявили взаимный интерес. Одни смело подошли поближе, чтобы познакомиться и подружиться, с надеждой, что их угостят. Все, конечно, были сыты, но приятно

получить еще что-нибудь вкусненькое от гостей. Другие смущенно оставались сидеть на местах и делали вид, что они заняты важными делами. Третьи были немного напуганы и отошли чуть подальше, на безопасное расстояние. Наверно, незнакомцы пугали их своим присутствием: ведь не знаешь, что может прийти им в голову, чего можно ожидать. Это же совсем незнакомые люди, а с незнакомыми нельзя разговаривать и подходить к ним слишком близко.

Гости обращались к женщине в кофте и называли ее Олей. Я для себя отметила, что наша тетя Оля очень симпатичная и теперь я знаю ее имя.

Тетя Оля подвела к гостям малышку:

– Вот это она, Алиса, о которой вы расспрашивали. Посмотрите, какая она милая. Она вам замечательно подходит! Ну посмотрите, разве она не чудо?

Тучный дядя смущенно и вопросительно посмотрел на свою тетю. Девочка воскликнула:

– Да-да! Она нам очень подходит! Я буду с ней дружить и играть в разные игры! Давайте ее возьмем! Папа? Мама?

Миловидная женщина улыбалась и кивала головой: да, да, конечно! Она смахнула слезу с щеки.

– Да, конечно, мы приехали за ней! Мы ее забираем! Мы все о ней так мечтали!

Тетя Оля ненадолго вышла из комнаты, а когда вернулась, сообщила гостям, что все готово. Они поднялись с дивана. Миловидная женщина смахнула слезу, девочка перестала теревить помпон, осознав, что он крепко держится на шапке, мужчина аккуратно взял на руки Алису, и они, не проронив больше ни слова, вышли из комнаты.

Я была в замешательстве от всего этого. Что происходит? Кто эти люди и зачем они забирают Алису? И почему Алису?

Со страхом я вдруг осознала, что эти неожиданные гости, тучный мужчина с миловидной женщиной и девочкой с помпоном, вполне могли забрать и меня, отвезти в свой уютный чистый дом, ведь у такой женщины не может быть неуютного дома. А я все это время осторожно подглядывала за ними сверху одним глазом, испугавшись и спрятавшись под одеяло. Я поняла, что упустила шанс обрести дом и любящую семью. Перед моими глазами до сих пор стоит образ: широкая спина мужчины в дверном проеме, а за его плечом – Алиса, провожает нас взглядом. В нем печаль и счастливое предвкушение обретения нового дома и любящей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.